

Е.П. Блаватская

ЖЕНЩИНЫ ЦЕЙЛОНА (THE WOMEN OF CEYLON)

В нижеприведенном отчете за 1888 год Уэслиской миссии в Галлском округе высокопарно отмечается:

Величайшая мощь цейлонского буддизма заключается не в священном дереве Бо, не в жреческом сословии, не в изобилии воздвигнутых храмов и даже не в священных книгах. Основное влияние на буддизм на этом острове оказывает ЖЕНЩИНА. Что-то увидеть, с чем-либо соприкоснуться, чему-либо поклониться, -- все эти человеческие пристрастия встречаются в современном буддийском вероисповедании; женский инстинкт принесшей веточку священного дерева был безошибочен в этом отношении; это воззвание к прозрению завоевало толпы для Сонгхамитто. В Индии, притесняемая браминами, женщина в который раз поработана; но в Ланке наследницы принцессы никогда не теряли своей свободы. Буддистская женщина не запирается на женской половине и не лишается права свободного поклонения в богослужении. Она может беспрепятственно подниматься на вершину горы, в скале которой глубоко врезался отпечаток следа Будды, и без страха совершать паломничества к своим древним религиозным храмам. Вы видите женщин *упасик*, или ревностных поборниц белых одежд, во время *пайя* -- священных дней буддизма, ведущих толпы девушек и матерей к *безмолвным идолам*. (?)*<1> В доме она оберегает алтарь с изображением почившего учителя, стоящего на возвышении, убранном покрывалом. Женщина, здесь, может самоутвердиться и исполнять семейный *махасил*, три великих заповеди; или *пансил*, пять обязательных клятв; и *дасасил*, десять законов буддизма.

Цейлонская женщина, как и другая любая буддистская женщина, всегда была свободна и даже наравне с мужчиной, как сказано выше, в религиозных действиях. Но таким образом ее положение прямо противоположно положению христианской женщины на протяжении ранних столетий и средних веков. Буддийская женщина обязана своим положением благородному Будде и справедливому закону, а христианская -- своей фанатичной и деспотичной церкви. В этом нас убеждает ректор университета Дональдсон, в своей статье в сентябрьском номере "*Contemporary Review*", относительно общепринятого мнения, что женщина обязана своим нынешним высоким положением христианству. По его собственному признанию, он "выразил надежду на это", но верит в это не настолько сильно, как бы ему хотелось, исторические факты противоречат этому заявлению; и он продолжает показывать, что "в течение первых трех столетий я не способен увидеть, что христианство оказывало какое-либо благоприятное воздействие на положение женщин, и наоборот, что оно способствовало унижению их личности и ограничивало сферу их деятельности".

Павла он осуждает как "женоненавистника". У вдов было почти такое же незавидное положение, как и у современных индусских вдов. В церкви женщину можно было увидеть только в трех качествах: "как мучениц, как вдов и как дьякониц", -- но должность последней была чисто символической! Они не были обременены духовными обязанностями, и по закону освобождались от несения какой-либо приличествующей духовному лицу службы, такой, какая возлагалась на буддийскую женщину. "Им надлежит быть немногословными", -- говорит Тертуллиан, -- "и дома прислушиваться к своим мужьям".*<2>

Что же до вдов, выполняющих обязанности дьякониц, то им запрещалось развивать свой кругозор, и церковь говорила им:

Вдова должна отречься от всего, но молиться за дающих и за всю паству, и на все вопросы отвечать скупой, исключая вопросы, касающиеся веры, праведности и упования в Боге... Но ее ответы, касающиеся перечисленных догм, не должны быть необдуманными, чтобы своей неграмотной речью она не превратила бы слово в богохульство. А досуг вдовы должен сводиться к следующему: "Она должна сидеть дома, петь, молиться, читать, бодрствовать и поститься, обращаясь непрерывно к Богу в песнопениях и псалмах".

Любопытное различие обнаружилось, как подчеркивает д-р Дональдсон и отмечают обозреватели, между языческими римлянками прошлого и христианками настоящего. Вот как он описывает "высший языческий идеал", --

более замечательный, потому что в Римской цивилизации, в свержении которой христианство сыграло не последнюю роль, женщина обладала великой силой и влиянием. Традиции предписывали ограничения, но в то же время женщина была свободна от рабских пут старых диктующих норм, и они пользовались всеми свободами, принятыми в обществе; они прогуливались и появлялись на людях в накидках, не скрывающих их лица, они обедали в обществе мужчин, они изучали литературу и философию, они принимали участие в политических движениях, им дозволялось отстаивать свои собственные суждения, если они того стоили, они помогали своим мужьям в управлении провинциями и в написании книг... Отстранение женщин от истинных священных функций стоит в поразительном контрасте с языческой практикой. В Риме жена понтифика Максима играла ведущую роль в поклонении Боне Дэе и в религиозных ритуалах, особенно в тех, которые касались женщин. Один из наиболее уважаемых священнослужителей, призванный на особое служение Богу в Риме, Фламин Диалис, был обязан жениться и должен был оставить свою должность после смерти жены, жена его также была в священном чине жрицы, и его семья была поставлена на службу Богу. И весталкам ежедневно оказывали все мыслимые знаки уважения и была предоставлена полная свобода. Высшие должностные лица протоптали дорожку к ним, они устраивали торжественные обеды в компании понтификов, они играли в присутствии императрицы, и в их честь устанавливались памятники.

Ранние христиане поделили все человечество на мужчин и женщин, причем мужчина был предназначен для высших и благороднейших целей, а женщина годилась лишь для одного. Она находилась на земле, чтобы воспламенить сердце мужчины порочной страстью. Она была брандером, вплотную подбирающимся к военному кораблю мужчины, чтобы разнести его на кусочки. Вот путь, который Тертуллиан предназначал женщинам: "Разве вам не известно, что в каждой из вас живет Ева? Божье проклятие на ваш пол переходит из века в век: также должно переходить и осознание вины. Вы -- дьявольские ворота; вы -- нарушившие запрет и вкусившие запретный плод; вы -- первые отступники от священного закона; вы -- та, кто подбила на грех Адама, от которого отступился сам Дьявол. Вы не задумываясь совратили Богоподобного человека. Ваше изгнание, которое было равносильно потере бессмертия, явилось причиной того, что Бог послал своего единственного Сына на смерть". И кроткий Климент Александрийский нещадно лупцует ее, когда говорит: "В мужчине, наделенном разумом, нет и тени бесчестья; чего не скажешь о женщине, которую позорит даже отражение той природы, которая заключена в ней". (Любопытно отметить, что доктрина сваливания всех грехов на женщин, против которой выступают современные реформаторы, опирается, таким образом, на христианские авторитеты в этой области.

* * *

И в заключение подведем итог апостолическим исследованиям д-ра Дональдсона и посмотрим, в чем, согласно отцам церкви, в конечном счете заключаются функции женщин.

Наипервейшей и основной обязанностью ее было находиться при доме, а не болтаться где-либо. Ей не полагалось принимать участие в празднествах. Она не могла присутствовать на брачных пирах; не могла посещать ни театр, ни публичные выступления. Ей хотелось проявить себя? Климент Александрийский советует ей: "Она может заняться прядением и ткачеством, а также, по необходимости, приготовлением пищи". Любое украшение -- характерная черта "женщины, потерявшей всяческий стыд". Вынашивание детей было "опасным для веры", и считалось высшей духовной милостью для мужчины, "если он случайно терял жену" (имеется ввиду -- по причине смерти). Между тем, ее функция, на протяжении всей ее жизни, была ограничена. Она должна была присматривать за домом и во всем подчиняться своему мужу. ("*Pall Mall Gazette*").

Вот такое различие между незавидным и угнетенным положением в христианском мире жены, матери и дочери, наблюдавшееся в дни раннего христианства и на протяжении средних веков, и прошлым и настоящим положением женщины в буддийском мире во все времена. Также и браминка, или индианка, обладала не меньшей свободой и была почитаема до мусульманского нашествия в Индии. До этого бедствия, постигшего Арьяварту, она была наравне с мужчиной и обладала даже большей свободой, чем женщина на Цейлоне в настоящее время. Но положение последней, ее огромное значение в своей семье так хорошо известно христианскому миссионеру и прозелитисту, что он пытается использовать это знание с выгодой для себя. Так, описывая это завидное положение "Отчет Уэслианской миссии" неожиданно раскрывает свои позиции в следующем замечании:

Буддизм будет оказывать жизненно важное влияние на Цейлоне, пока женская половина населения не станет более христианизированной и образованной. Откройте тысячу школ для девочек на этой земле и умело воспитайте одно поколение, и раньше чем через тридцать лет мы увидим, что приходы наших церквей удвоятся, и в количественном, и в качественном отношении. Не ошибаются ли миссионеры в своих прогнозах? Это -- девушка, мать и женщина, которая остается верной своей религии, и все же это можно успешно видоизменять и развивать; и если женщина делает так много ради мертвого БУДДЫ и бессердечного вероисповедания, насколько больше она сможет сделать для живого Христа, вездесущего спасителя, истинного избавителя от греха и смерти. [!!]

Не удивительно, что это весьма искреннее высказывание их чаяний и стремлений гневно осуждается *буддистами* Коломбо, с которыми нам довелось общаться. Цитированная рекомендация беззаветной преданности и благочестия наших сингалезских сестер вызвала бурю возмущения всего буддийского населения острова, как ортодоксального, так и теософского. Вот что говорит наш современник:

Большая часть из того, что изложил здесь миссионерский писатель -- правда, и обязательства, которые Цейлон выполняет по отношению к своим преданным буддийским дочерям, нельзя преувеличить. В течение периода, когда так много его сыновей вынуждены были поклоняться иностранному ярму, навязанному им, изменяя высшему своему призванию и попустительству беспрецедентному господству, несмотря на свое неотъемлемое право, подавляющее большинство цейлонских женщин продемонстрировало верность и преданность нашему великому Учителю, сплотившись вокруг Его знамени и удерживая поднятый факел правды твердой рукой. Это -- несмотря на беспринципное использование христианством всей своей власти и богатства, они, в

конечном итоге, выстояли, не допустив обращения своих сыновей в унижительные суеверия наших завоевателей -- показывает, как велика роль женщины и как важна работа, предпринимаемая Женским образовательным обществом. Цель, преследуемая Обществом заключается в спасении восходящего поколения дочерей Цейлона от коварных ловушек хитрых миссионеров и гарантии того, что матери будущего будут склоняться не только к традиционному служению, но и к разумному вероисповеданию в религии, и когда эта цель будет полностью достигнута, сладкоречивые обманщики, которые с таким дьявольским искусством пытаются заманить слабовольных в вероотступничество, смогут упаковать свои саквояжи и возвратиться назад, и стараться христианизировать и цивилизовывать свою собственную землю (которая, к сожалению, нуждается в их помощи, по общему мнению), и заниматься этим до скончания веков. Затем, когда тень анчарного дерева христианства, с сопутствующим ему ужасающим кровопролитием и пьянством, отодвинется от незапятнанного острова, мы сможем надеяться на светлое будущее мира -- мира счастья и возрожденной религии, который будет великолепным соперником нашей древней истории. И может быть этот день скоро наступит!

Выражения антагонизма по отношению к протестантским миссионерам, которые везд гнут свою линию, звучащие отовсюду горечью и нетерпением для западных ушей, могут быть оправданы по причине затянувшегося похода общественных демагогов, которые являлись последователями евангелических трудов португальских, немецких и английских завоевателей "Прекрасной Ланки". Не только раскол семей и конфискация собственности, но и массовые убийства, грабежи и гонения занесены в длинный перечень этих попыток искоренения национальной религии и вытеснения ее экзотерическим христианством. Как у вальденсов и альбигойцев была весомая причина ненавидеть само имя римского католицизма, так и у потомков пострадавших от христианского гонения не менее веская причина связывать миссионерскую деятельность с наиболее жестокими и отвратительными деяниями.

"Люцифер", октябрь 1889 г.

---

*<1> Означает ли прилагательное "безмолвные" тот факт, что поскольку в христианском мире имеется несколько *говорящих* "идолов" -- как мы могли видеть во Франции и Италии, -- в то время как в буддийском мире нет ничего подобного, следовательно, христианство превосходит буддизм? К сожалению, в миссионерском "Отчете" это показано недостаточно ясно.

*<2> Тертуллиан всего лишь цитирует Павла.
